

О СОБЫТИЯХ 1227—1230 гг. В НОВГОРОДЕ

В истории древнего Новгорода 1227—1230 гг. прошли под знаком народных волнений, всколыхнувших снизу доверху местное общество. Начало этих волнений было отмечено появлением волхвов, сожженных, впрочем, вскоре на костре, о чем Новгородская Первая летопись известила потомков под 1227 г.: «Ижгоша вълхвы 4, творяхуть е потворы деюще, а бог вестъ; и сожгоша их на Ярославли дворе».¹ Никоновская летопись, автор которой наряду с другими источниками пользовался и новгородскими летописными памятниками,² содержит несколько более пространную запись, отличающуюся некоторыми подробностями, отсутствующими в цитирующемся только что тексте: «Явишася в Новеграде волхвы, ведуны, потворницы, и многая волхования, и потворы и ложная знамения творяху, и много зла содеваху, многих прелщающе. И собравшеся Новгородци изымаша их, и ведоша их на архиепископ двор, и се мужи княже Ярославли вступишася за них; Новгородци же ведоша волхвов на Ярославль двор, и съкладше огонь велий на дворе Ярославли, и связавше волхвов всех, и врипуша во огонь, и ту згореша вси».³

Выступление волхвов в Новгороде 1227 г. давно привлекло внимание советских историков. Еще в начале 30-х гг. В. В. Мавродин в статье о восстаниях смердов на Руси высказал о нем свои, правда весьма краткие, соображения: «Появление волхвов во второй четверти XIII в., когда в течение столетий летописи о них молчат, объясняется тем, что это эпоха интенсивной феодальной колонизации новгородским боярством земель северо-восточных финских племен, среди которых было сильно развито волхование и куда впервые проникла феодальная христианизация. Мы видим повторение суздальских, ростовских, новгородских восстаний, но на несколько иной почве и в других районах».⁴ Коснулся данного вопроса и Б. Д. Греков: «Последний раз упоминаются волхвы как опасный для существующего строя элемент под 1227 г. в Новгородской I летописи, где сообщается о том, что в Новгороде на Ярославском дворе были сожжены четыре волхва. В чем их обвиняли, остается неизвестным. Их судили и казнили в Новгороде, откуда мы можем сделать вывод, что их деятельность протекала в Новгородской земле».⁵

¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ), с. 65, 270.

² См.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, с. 148.

³ ПСРЛ. СПб., 1885, т. 10, с. 94.

⁴ *Мавродин В. В.* К вопросу о восстаниях смердов. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 6, с. 78—79.

⁵ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953, с. 267.

По мнению новейшего исследователя А. С. Хорошева, история с повгородскими волхвами, казненными в 1227 г., заслуживает пристального внимания. Их появление в городе не случайно: «Острая политическая борьба и колебания политической ориентации церкви — благоприятная почва для возникновения ересей. Примерами тому служат события в Киеве 1068 г., в Ростово-Суздальской земле и в Новгороде 1071 г. Языческая пропаганда, вероятно, сыграла свою роль и при изгнании Арсения из Софии».⁶

Несмотря на признание историками важности летописных известий 1227 г. о волхвах, этот сюжет до сих пор остается по существу не исследованным. Такое положение тем более досадно, что действия волхвов, как показывает анализ источников, получили мощный общественный резонанс, повлиявший на ход последующих событий, в частности на характер народных волнений 1228—1230 гг., в результате которых произошла смена новгородских властей: епископа, князя, посадника и тысяцкого. К сожалению, современные ученые изучают «восстания» 1228—1230 гг. в Новгороде изолированно, вне связи с деятельностью волхвов, разрывая тем самым цепь исторических явлений.⁷ Свою задачу мы видим в том, чтобы соединить ее звенья. Первое, что предстоит нам сделать, — определить главную причину появления волхвов. Она, по нашему мнению, заключалась не в политической борьбе и колебаниях в политической ориентации церкви, как считает А. С. Хорошев,⁸ а в угрозе голода, обусловленной бедородом. Новгородские волхвы, справедливо считает В. Т. Пашуто, объявились в начале скудных лет.⁹ Симптоматично в этом отношении сообщение летописца под 1228 г.: «Тъгда же приведе (князь Ярослав. — И. Ф.) пълкы ис Переяславля, а река: „хочю ити на Ригу“; и стапа около Городища шатры, а инии в Славпе по двором. И въздорожиша все по търгу: и хлеб, и мяса, и рыбы; и оттоле ста дороговъ: купляху хлеб по 2 купе, а кадь ржи по

⁶ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980, с. 48.

⁷ См.: Тихомиров М. П. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 254—259; Данилова Л. В. Очерки по истории землеустройства и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1956, с. 87—88; Янин Л. В. Новгородские посадники. М., 1962, с. 137—138; Подвигина П. Л. 1) Классовая борьба в Новгороде в конце XII—XIII в., — Вестн. МГУ. История, 1968, № 6. с. 58—59; 2) Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976, с. 144—146. — Б. А. Рыбаков сожжение волхвов рассматривал в связи с голодом в Новгороде в последующие годы, сопровождавшиеся народными волнениями. Однако его анализ всех этих событий носит фрагментарный характер (Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья. — Вопр. истории, 1974, № 1, с. 23—24).

⁸ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики, с. 48.

⁹ Пашуто В. Т. Голодные годы в Древней Руси. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г. Минск, 1964, с. 81. — «По общей закономерности, — пишет Б. А. Рыбаков, — годы неурожая и голода вызвали... активность языческих жрецов» (Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение... , с. 24).

3 гривне, а пшепщцу по 5 гривен, а пшена по 7 гривен; и тако ста по 3 лета».¹⁰ Исходя из этого известия летописца, можно полагать, что дороговизна на съестные припасы в Новгороде была вызвана размещением там пщзовского войска, приведенного Ярославом Всеволодовичем. Так, кстати, некоторые авторы и думали.¹¹ Но скорее всего недостаток в продовольствии ощущался уже до прихода ярославовых воинов, прибытие которых в Новгород лишь обострило ситуацию.¹² М. Н. Тихомиров был прав, когда писал: «Рассказывая о наступившей „на торгу“ дороговизне, летописец связывает ее с приходом к Ярославу Всеволодовичу полков из Переяславля. Но эта связь чисто внешняя, так как сам же летописец замечает, что дороговизна продолжалась в течение трех лет («и тако ста по 3 лета»). Следовательно, недостаток съестных припасов в Новгороде был вызван не случайными причинами, а длительными неурожаями».¹³ Вот в этой обстановке «скудости», живо напоминающей катаклизмы голодных лет XI в.,¹⁴ и появились четверо волхвов в Новгороде. В ход ими были пущены «многие волхования, и потворы, и знаменая». Эффект оказался внушительным: «ведупы» многих «прельстили». Волхвы, наверное, всячески поносили церковь и ее главу — архиепископа. Их агитация была направлена, видимо, не только против христианства вообще, но и лично против владыки Антония как виновника ударившей по Новгороду «скудости». В конце концов «ведупов» схватили и «вринуша во огонь». Но слова их пробудили в людях языческое сознание, дремавшее под покровом христианства. Перед архиепископом Антонием обозначилась угрожающая перспектива. Новгородцы были близки уже к тому, чтобы обратить против него свой гнев; владыка считал за благо покинуть кафедру «по своей воли».¹⁵ Вместо Антония архиепископом стал Арсений, на которого и обрушилось народное возмущение.

¹⁰ НПЛ, с. 66, 271.

¹¹ См.: Данилова Л. В. Очерки... с. 87; Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики, с. 46.

¹² В записи 1223 г. владимирский летописатель свидетельствовал: «Бе ведро велми, и мпози борове и болота загарухся и дымове сильни бяху, яко далече не видети человеком, бе бо яко мгла к земли прилегла, яко птицам по аеру не бе лзе летати, но падаху на землю и умираху» (ПСРЛ. М., 1962, т. I, стб. 447). — Засуха во Владимирско-Суздальской земле била и по Новгороду, поскольку он зависел от привозного, пщзовского хлеба. Кроме того, можно предполагать, что пагубные атмосферные явления распространились и на соседнюю, Новгородскую землю. Во всяком случае Псковская летопись под 1224 г. сообщает о «великом глде» (ПЛ. М., 1944, вып. 1, с. 11). О связи стихийных бедствий в Новгородской и Владимирско-Суздальской землях см.: Пашуго В. Т. Голодные годы... с. 64.

¹³ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... с. 254—255.

¹⁴ См.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. I, с. 99—100, 117—119.

¹⁵ НПЛ, с. 65, 270. — А. С. Хорошев (Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики, с. 44—45) объясняет оставление Антонием архиепископской кафедры исключительно политическими мотивами, борьбой партий в Новгороде. Не отрицая этих мотивов в решении Антония, мы все-таки полагаем, что здесь немалую роль сыграло возбуждение народа, подогретого проповедями волхвов и вот-вот готового

В злосчастную для Арсения осень 1228 г. «наиде дъжгъ велик и день и ночь, на Госпожькин день, оли и до Никулина дни не видехом светла дни, ни сена людем бяше лзе добыти, ни пив делати». ¹⁶ Картина вырисовывалась очень мрачная: впереди слова замаячил голод. И тогда зашумела «простая чадь», собравшись на вече «на Ярославли дворе, и поидоша на владыцннь двор, рекуче: „того дела стоит тепло дълго, выпровадил Антония владыку на Хутино, а сам сел, дав мзду князю“; и акы злодея пьхающе за ворот, выгнаша; мале ублюде бог от смерти: затворися в церкви святеи Софии, иде на Хутино. А заутра въведоша опять Антония архиепископа и посадиша с ним 2 мужа: Якуна Моисеевича, Микифора щитник». ¹⁷

«Простая чадь», как убеждаемся, вину за нескончаемые дожди, препятствовавшие севу озимых и уборке сена, возложила на архиепископа. ¹⁸ Жизнь владыки повисла на волоске. Но ему повезло: он сумел укрыться в новгородской Софии и тем самым отвлечь от себя, казалось, уже неизбежную смерть. Во всем этом нельзя не видеть проявления языческих нравов. У древних народов на руководителях общества лежала обязанность не только вызывать дождь, живительный для посевов, но и прекращать его, когда избыток влаги губил урожай. ¹⁹ Мы не хотим сказать, что архиепископ, в частности Арсений, пользовался среди новгородцев репутацией мага, управлявшего погодой. Говорить так — чересчур архаизировать идеологию и быт новгородской общины. В эпизоде изгнания Арсения языческие обычаи хотя и отразились, но в модифицированной, смягченной форме. В глазах народа архиепископ Арсений, конечно, не колдун, разверзший хляби небесные, а плохой человек, неправдой получивший высшую духовную и правительственную должность, отчего в Новгородской земле установилась скверная погода, чреватая голодом. В этом и заключалась главная вина архиепископа Арсения, как ее понимала «простая чадь», в сознании которой язычество еще продолжало жить. Подъему языческих настроений способствовали пародные бедствия (голод прежде всего) и агитация волхвов — мучеников за старую веру.

В современной исторической литературе языческая подкладка событий, связанных с изгнанием архиепископа Арсения, осталась незамеченной. ²⁰ Некоторые историки к тому же смещают акценты

выступить против владыки. Последующие события, в центре которых оказался архиепископ Арсений, ориентируют нас именно в этом направлении.

¹⁶ НПЛ, с. 66—67, 272.

¹⁷ Там же.

¹⁸ В Новгородской IV летописи это обвинение высказано в четкой формулировке: «Тебе ради бысть зло се» (ПСРЛ. Пг., 1915, т. IV, ч. 1, с. 206).

¹⁹ См.: Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1980, с. 99—108.

²⁰ См.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания..., с. 254—255; Данилова Л. В. Очерки..., с. 87; Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 137; Подвигина Н. Л. Очерки..., с. 145. — В. Т. Пашуто вроде бы

летописного рассказа об этом изгнании. Так, В. Л. Янин считает, что Арсений был лишен кафедры по обвинению в незаконном избрании и сговоре с князем.²¹ По мнению Н. Л. Подвигиной, новгородцы, свергая Арсения, обвинили владыку в том, будто он «выпроводил Антония, а сам сел на его место, подкупив князя».²² Согласно А. С. Хорошеву, «изгнанию Арсения способствовало не только (а вероятно, не столько) дождливая погода, сколько то, что он сел на владычный стол, дав взятку Ярославу».²³ Едва ли кто будет возражать против того, что занятие архиепископского стола Арсением посредством «мзды» князю Ярославу осуждалось новгородцами. Но решающим обстоятельством для «простой чади», согнавшей Арсения со стола, являлся не сговор с князем и мздоимство, а дурная погода, предвещавшая неурожай и голод. Люди искали объяснение этой напасти и не без влияния волхвов, давших импульс старым верованиям, нашли его в арсенале языческих представлений, еще далеко не изжитых в сознании народа. Стало быть, не «мзда» подвела Арсения (при занятии духовных должностей она применялась на Руси сплошь и рядом), а дождливая погода, разбившая надежды «простой чади» на урожай. Мотив о «мзде», таким образом, являлся производным, но никак не основным.

Вместо изгнанного Арсения архиепископом, как мы знаем, снова стал Антоний, к которому были приставлены два человека — Якуп Моисеевич и Микифор Щитник. По этому поводу Л. В. Данилова замечает: «После возвращения Антония на кафедру произошел беспрецедентный в новгородской истории случай — власть архиепископа была ограничена представителями посада. Поставленные при архиепископе Якуп Моисеевич и Микифор Щитник, без сомнения, принадлежали к верхушке посада».²⁴ Полагаем, что сомнений все-таки не избежать. Правда, о Микифоре можно судить более или менее определенно: прозвище

связывает деяния волхвов с последующим изгнанием Арсения, вызвавшего, по убеждению народа, пагубное тепло и беспросветные дожди (автор почему-то пишет о засухе). Но тут же он делает такое заявление, которое переводит события в совсем иную плоскость. В. Т. Пашуто говорит, будто мысль об ответственности Арсения за непогоду была внушена народу противниками суздальских князей (*Пашуто В. Т. Голодные годы... , с. 81*). Мы полагаем, что эта мысль поднялась из глубин народного сознания, взбудораженного речами волхвов. Следует согласиться с Б. А. Рыбаковым, когда он пишет об усилении языческой обрядности в Новгородской земле, вызванной недородом (*Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение... , с. 24*).

²¹ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 137.

²² Подвигина Н. Л. Очерки... , с. 145.

²³ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики, с. 46. — Пескочко далее (с. 48) А. С. Хорошев, правда, говорит: «Языческая пропаганда, вероятно, сыграла свою роль и при изгнании Арсения из Софии». Однако автор не приводит никаких соображений насчет конкретного содержания «языческой пропаганды», способствовавшей устранению Арсения.

²⁴ Данилова Л. В. Очерки... , с. 88.

«щитник» как будто указывает на принадлежность к ремесленным кругам новгородского общества.²⁵ О социальном положении Якуна Моисеевича приходится только догадываться. Л. В. Данилова относит Якуна к верхушке посада. Несколько иначе думает М. И. Тихомиров: «Имя Якуна Моисеевича не дает никаких указаний на его социальное происхождение, разве только указание на его отчество в какой-то мере может свидетельствовать о его отнюдь не выдающемся общественном положении, хотя и этот признак является мало существенным».²⁶ И. Л. Подвигина усматривает в Якуне боярина.²⁷ Как бы там ни было, ясно одно: Якун и Микифор — ставленники «простой чади».

Возведя на архиепископский стол Антония, новгородцы уповали на перемены к лучшему. Взгляд на Антония как на способного принести благо новгородской общине нашел своеобразное отражение в «Пророчестве Варлаама Хутынского». Однажды игумен Варлаам отправился «в великий Новгород ко архиепископу Антонию», чтобы получить благословение у владыки. «Архиепископ же заповеда преподобному Варлааму паки с неделю помедлив приехать к себе не о каких духовных делах побеседовати».²⁸ Тот отвечал Антонию: «Буду у твоих святых благословитися на первой неделе Петрова поста в пяток на санех». Антоний не поверил («в сумлении бысть») тому, что сказал ему Варлаам. Но вот настал день свидания, и накануне в ночь «паде снег велик в пояс человека, или болши и мраз велик». Варлаам, как и обещал, приехал к архиепископу «на санех». Антоний впал в уныние: «нача тужити о хлебе». Святой старец утешил владыку и предсказал благоприятное тепло. Но его пророчеству «теплота велика бысть, и растая снег, и уюи землю, и увлажи яко же дождевную тучу». В ту пору цвела рожь, но «цвету не прибило мразом», тогда как «в корени ржаном множество червей» померзло. В результате созрел обильный урожай земных плодов.²⁹ Благодарные новгородцы установили праздник в честь Варлаама, приурочив его к пятнице первой недели Петрова поста. И когда природа вновь грозила неурожаем, новгородцы зывали о помощи к Варлааму.³⁰ В. Т. Пашуто так (и по нашему мнению, правильно) формулирует одну из главных идей памятника: «Следовательно, если просуздальский Арсений „нес“ новгородцам неурожай, то „благодаря“ другу Антония Варлааму „угобzenie велико бысть всем плодом земным“».³¹ А это в конечном счете означает, что и сам Антоний являлся источником всяческой благодати: ведь именно при нем земля плодоносила щедро.

²⁵ См.: Тихомиров М. И. Крестьянские и городские восстания. . . , с. 258; Подвигина И. Л. Очерки. . . , с. 145.

²⁶ Тихомиров М. И. Крестьянские и городские восстания. . . , с. 257.

²⁷ Подвигина И. Л. 1) Классовая борьба в Новгороде. . . , с. 59; 2) Очерки. . . , с. 145.

²⁸ Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860, вып. 1, с. 277.

²⁹ Там же, с. 277—278.

³⁰ Там же, с. 278—279.

³¹ Пашуто В. Т. Голодные годы. . . , с. 81.

Посаженне вместе с Антонием двух «мужей» повгородских — факт красноречивый. Он свидетельствует о том, что люди тех времен видели в должности архиепископа не только должность чисто духовную, но и мирскую, общественную. На Якуна Моисеевича и Микифора Щитника возлагалась, судя по всему, обязанность изыскания средств для снабжения нуждающихся продовольствием. Само назначение этих «мужей» в качестве «приставников» к архиепископу указывает на то, что они должны были обратить свои взоры в первую очередь на житницы дома св. Софии,³² богатства которого представляли собой отчасти общественное достояние, страховой фонд новгородской общины, подобно храмовым богатствам древних обществ. Возможно, меры, предпринятые Якуном и Микифором, натолкнулись на саботаж некоторых хозяйственных агентов владычного дома. Массы опять всколыхнулись, и теперь уже весь Новгород пришел в движение. Новгородцы «поидоша с веца в оружии на тысячьского Вячеслава, и розграбиша двор его и брата его Богуслава и Андричев, владыция стольника, и Давыдков Софинскаго, и Судмиров; а на Душильця, на Лишьскаго старосту, тамо послаша грабить, а самого хотеша повесити, но ускоци к Ярославу; а жену его яша, рекуче, яко „ти на зло князя водать“; и бысть мятежь в городе велик».³³ Вскоре Вячеслав был смещен с должности тысяцкого. Произошла замена князя и посадника.³⁴ Следовательно, все высшие должностные лица Новгорода (архиепископ, князь, посадник, тысяцкий) получили, выражаясь современным языком, отставку. Это и понятно, ибо народ, отягощенный грузом языческих верований и представлений, причину людских бед искал в правителях. Разумеется, мы не хотим свести все к языческим обычаям и правам. Существенную роль в рассмотренных нами событиях играла политическая борьба правящих группировок за власть и материальные выгоды, сопряженные с этой властью. Политическая борьба в Новгороде превосходно показана в трудах С. М. Соловьева, И. А. Рожкова и В. Л. Янина.³⁵ Однако политические страсти, бушевавшие в Новгороде, не должны заглушать нашего восприятия языческих побуждений в поведении новгородцев. И наивно изображать дело так, будто пародные лишь массы коснели в языческих «предрассудках», а враждующие партии князей и бояр эксплуатировали «темноту» масс, ловко используя ее в своих эгонистических целях.³⁶ Язычество не было чуждо и сознанию знатных новгородцев. Конечно, знать в меньшей мере сохраняла приверженность языческим правам и обычаям, нежели простые люди. И все же дух язычества еще влиял на ее мироощущение.

³² См.: Тихомиров М. И. Крестьянские и городские восстания... с. 257.

³³ НПЛ, с. 67, 274.

³⁴ Там же, с. 67—68, 273—274.

³⁵ См.: Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846; Рожков И. А. Политические партии в Великом Новгороде XII—XV веков. — В кн.: Исторические и социологические очерки. М., 1906, ч. 1; Янин В. Л. Новгородские посадники.

³⁶ См.: Пашуто В. Т. Голодные годы... с. 81, 82.

В новгородской «встани» 1227—1229 гг. участвовали, очевидно, и волощане, жившие в селах. Город в Древней Руси был органически связан с деревней, поэтому сельские проблемы живо интересовали горожан, а городские — селян. Повторяем, город и село в Киевской Руси представляли собой единый организм.³⁷ Это и предполагает участие новгородцев-селян в событиях 1227—1229 гг. Однако мы не хотим сказать, что «мятеж» распространился на сельские местности, охватив, как считают М. И. Тихомиров, Л. В. Данилова и Н. Л. Подвигина, феодально-зависимых крестьян — смердов.³⁸ Какие данные привлекают названные авторы для подтверждения своих предположений? Они ссылаются на требования новгородцев, предъявленные князю Ярославу Всеволодовичу во время волнений, а также на административные меры в отношении смердов прибывшего в Новгород Михаила Черниговского. Начнем с требований, выдвинутых новгородцами. Князю Ярославу было ультимативно заявлено: «Забожничье отложи, судье по волости не слати; на всей воли нашей на всех грамотах Ярославлих ты нашъ князь; или ты себе, а мы себе».³⁹ М. И. Тихомиров, приступая к анализу этого текста, указывает на трудности в толковании слова «забожничье»: «Не вполне ясно, что значит „забожничье“, отмены которого добивались новгородцы».⁴⁰ Отметив, что, по В. И. Далю, «забожить — присвоить неправую божбою, где нет улик», а «забожиться — начать божаться, стать клясться»,⁴¹ историк задается вопросом: «Не идет ли речь о землях и людях, захваченных князем и его людьми путем односторонней „клятвы“ перед судом, что допускалось в ряде случаев судебными обычаями того времени».⁴² Смеем усомниться в таком толковании. В летописном тексте «забожничье» выступает в качестве существительного, но не глагола. Уже поэтому его сближение со словами «забожить», «забожиться» — весьма условный прием. Еще более проблематичным является толкование «забожничьего» в смысле людей и земель, захваченных путем односторонней клятвы перед судом. Можно присвоить «божбою», когда нет улик, какую-нибудь вещь. Но захватить таким способом людей и земли — дело абсолютно не реальное. Неизмеримо ближе к истине составители «Словаря русского языка XI—XVII вв.», которые под словом «забожничье» разумеют вид паллага.⁴³ Стало быть, новгородцы потребовали от

³⁷ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 227—229, 233—243.

³⁸ Тихомиров М. И. Крестьянские и городские восстания..., с. 259—260, 262—263; Данилова Л. В. Очерки..., с. 88; Подвигина Н. Л. 1) Классовая борьба в Новгороде..., с. 60; 2) Очерки..., с. 146.

³⁹ ИПЛ, с. 67, 273.

⁴⁰ Тихомиров М. И. Крестьянские и городские восстания..., с. 260.

⁴¹ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. I, с. 553.

⁴² Тихомиров М. И. Крестьянские и городские восстания..., с. 260.

⁴³ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978, вып. 5, с. 136. — Напомним, что С. М. Соловьев в «забожничьем» усматривал новые пошлины, введенные Ярославом, когда он княжил в Новгороде (Соловьев С. М.

Ярослава отмены каких-то платежей, собиравшихся в княжескую казну. В условиях «скудости», поразившей Новгородскую землю, подобное требование было вполне естественным, ибо отмена «забожничьего» облегчала положение местной общины, страдавшей от недостатка продовольствия. Аналогичное действие должно было оказать и прекращение посылки княжеских судей в волости, поскольку их пребывание там оборачивалось для населения расходами, особенно обременительными в обстановке бедности.

Князь Ярослав не поладил с новгородцами и ушел в свой Переяславль, а в Новгороде появился Михаил Черниговский, который «целова крест на всеи воли новгородьстем и на всех грамотах Ярославлих; и вда свободу смърдом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чюжую землю, а сим повеле, кто где живеть, како уставили переднии князи, тако платити дань».⁴⁴ Этот в общем-то ясный текст сперва подвергся искажению у поздних летописцев. В Никоновской летописи, например, читаем: «Михайло Всеволодич Черниговский приде в Новѣград и возрадовашася вси Новгородци, и утвердишася с ним на всех волях Новгородских и на всех грамотах прежних Ярославлих, и даде всем людем бедным и должным лготы на пять лет дани не платити, а которые и з земли збежали в долзех тем платити дань како уставили прежнии князи, или без лихв полетнаа».⁴⁵ Легко сообразить, что в Никоновской летописи содержится осмысление древней записи, приведшее к ее переделке, в итоге которой появились люди «бедные и должные» взамен смердов, бывших рабами фиска,⁴⁶ а не какими-то бедняками и должниками. Свидетельство новгородского летописца о бегстве смердов «на чюжую землю» перетолковано в смысле бегства «бедных и должных» с земли «в долзех». Трудно понять, какое отношение к даням (государственным налогам) имеют «лихвы» — проценты, рост.⁴⁷

История России с древнейших времен. М., 1959, кн. 1, с. 622). По мнению Б. А. Рыбакова, «забожничье», связанное со словом «бог», — какой-то новый небывалый налог, установленный князем Ярославом для тех смердов, «которые открыто выполняли языческие обряды» (Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение..., с. 24). Весьма сомнительно, чтобы официальные власти называли подобный налог «забожничьем», связав его с понятием «бог», ибо это бросало бы тень на христову веру. К тому же надо иметь в виду, что, по убеждению благочестивых христиан, языческие божества — отнюдь не боги, а бесы. Толкование Б. А. Рыбаковым «забожничья» ведет к признанию новгородскими руководителями (в частности, князем Ярославом) божественной сути языческих кумиров, что едва ли могло иметь место.

⁴⁴ НПЛ, с. 68, 274.

⁴⁵ ПСРЛ, т. 10, с. 96—97.

⁴⁶ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 125.

⁴⁷ Об искажении Никоновской летописью новгородского текста говорил Б. Д. Греков (Киевская Русь, с. 219). В более ранней своей работе Б. Д. Греков отмечал, что «автор Никоновской летописи, как это часто бывает с историками, модернизирует явления и толкует старые факты применительно к современным ему отношениям» (Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1937, с. 127, примеч.).

Вслед за поздними летописцами свою лепту в произвольную трактовку мер, осуществленных князем Михаилом, внесли ученые-историки. Так, В. Н. Татищев говорил: «Князь Михаил Всеволодович прибыл в Новгород в субботу Фомины седмицы апреля 21-го дня. Новгородцы же вельми обрадовались, что их желание исполнилось, и, приняв его с честью, учинили ему роту, а он им на всем том, что новгородцы желали и чего прежде не один князь не делал. Он дал свободу (смердам) подлости пять лет подати не платить; кто сбежал на чужую землю, велел жить, кто где ныне живет; которые чем должны, а не платили лихвы, как прежние князи оставили, (лихву полетнюю) рост погодной за прошлые годы не требовать».⁴⁸ Согласно С. М. Соловьеву, Михаил, целуя крест на всей воле новгородцев и на всех «грамотах Ярославлих», «освободил смердов от платежа дани за пять лет, платеж сбежавшим на чужую землю установил на основании распоряжений прежних князей».⁴⁹

Обращались к известиям новгородского летописца о фискальных установлениях Михаила Черниговского и советские историки. С. В. Юшков писал: «Сущность предпринятой кн. Михаилом меры, по нашему мнению, заключается в том, что он освободил всех вообще смердов, находящихся под его блюдеиьем как новгородского князя, от платежа дани на пять лет; на тех же смердов, которые сбежали со своих мест, но остались в Новгородской области, он не нашел возможным распространить эту льготу: он приказал платить дань так, как они платили при прежних князьях».⁵⁰ С. В. Юшков подчеркивал, что предложенное им толкование сообщения новгородского летописца «опирается прежде всего на текст Никоновской летописи».⁵¹ Версию С. В. Юшкова приняла Н. Л. Подвигина, сочтя ее правильной.⁵² Наконец, М. П. Тихомиров, не прибегая к Никоновской летописи, предложил следующий перевод новгородской записи: «и дал свободу смердам: на 5 лет даней не платить; кто сбежал на чужую землю, тем повелел, кто здесь живет, как оставили прежние князья, так платить дань».⁵³

Мы полагаем, что все эти опыты по толкованию и переводу известий Новгородской I летописи надо отвергнуть как несостоя-

⁴⁸ *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964, т. III, с. 224. — В первой редакции «Истории Российской» В. Н. Татищев менее многогласно: «Приде князь Михаил Всеволодич в Новгород по Велице дни на Фомине седмицы в субботу (апреля 21-го). И ради быша новгородцы хотению своему и целоваша ему новгородцы крест, а он има на всех прежних грамотах Ярославлих, и даде свободу смердом на пять лет не платити дани, кто сбежал на чужу землю, и жити повеле, где кто живет, како оставили прежнии князи, без лихвы полетниа» (*Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964, т. IV, с. 368).

⁴⁹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, с. 622—623.

⁵⁰ *Юшков С. В.* 1) Феодальные отношения в Киевской Руси. — Учен. зап. Саратов. ун-та, 1925, т. 3, вып. 4, с. 49; 2) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 102—103.

⁵¹ *Юшков С. В.* 1) Феодальные отношения..., с. 50; 2) Очерки..., с. 103.

⁵² *Подвигина Н. Л.* Классовая борьба..., с. 60.

⁵³ *Тихомиров М. П.* Крестьянские и городские восстания..., с. 263.

тельные. Заметим, кстати, что некоторые средневековые книжники, в отличие от автора Никоновского свода, качественно воспроизвели запись повгородского летописателя. Чтобы убедиться в том, откроем Тверскую летопись, где сказано: «Прииде князь Михайло Всеволодич Черниговский в Новгород, в неделю Фомину, и ради быша Повгородци своему хотению, и целова крест на всей воли Повгородской и на всех грамотах Ярославлих; вда свободу смердом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чужую землю, а кто zde живет, тем повеле тако: платите дань, како уставили пережние князи».⁵⁴ Были среди исследователей и те, кто верно, на наш взгляд, понимал новгородского летописца. Так, А. И. Никитский полагал, что князь Михаил освободил от уплаты дани на 5 лет смердов, которые бежали из Новгородской области в соседние земли и захотели вернуться на старые места. Оставшиеся же в Новгородской волости смерды обязаны были давать дань по уставам прежних князей и в несколько сокращенных размерах.⁵⁵ По словам М. И. Покровского, льгота, которую объявил Михаил Всеволодович, «распрострапялась на тех, кто бежал на чужую землю, обнаружив тем наиболее острое недовольство новыми порядками, родоначальником которых был посадник Дмитр. По отношению же к оставшимся были лишь восстановлены порядки „прежних князей“, надобно думать тех, которые были до Всеволода Юрьевича и его повгородского союзника».⁵⁶ Для Б. Д. Грекова «текст Новгородской летописи ясен и понятен. Здесь, несомненно, разумеется поощрительная мера для беглых крестьян, которых князь желал вернуть на старые места жительства».⁵⁷

Таким образом, интерпретация записи под 1229 г. о правительственной деятельности Михаила Черниговского, предложенная А. И. Никитским, М. И. Покровским и Б. Д. Грековым, нам представляется вполне приемлемой. С. В. Юшков, полемизируя с А. И. Никитским и Б. Д. Грековым в данном вопросе, высказывает следующие соображения по поводу конструкции толкуемой фразы: «Читая сообщение летописи и стараясь понять его так, как понимали Никитский и Б. Д. Греков, мы встречаемся с непреодолимым затруднением „а сим повеле“. Кто такие „си“? Это указательное местоимение может быть отнесено только к предыдущей фразе: „кто сбежал на чужу землю; а сим повеле...“».⁵⁸ Б. Д. Греков резонно возражал своему оппоненту: «Если согласиться с С. В. Юшковым, то получится фраза, совсем неубодная по форме и странная по содержанию. Окажется, что к этим „сим“ относятся два придаточных предложения, одно спереди,

⁵⁴ ПСРЛ. М., 1965, т. XV, с. 351—352.

⁵⁵ *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, с. 280.

⁵⁶ *Покровский М. И.* Избр. произв. М., 1966, кн. 1, с. 188.

⁵⁷ *Греков Б. Д.* 1) Феодальные отношения... с. 127; 2) Киевская Русь, с. 219.

⁵⁸ *Юшков С. В.* Очерки..., с. 103.

другое сзади, но это полбеды; самое главное, что эти придаточные предложения по смыслу противоположны и никак не могут относиться к одному определяемому. По Юшкову, получается так: „Кто сбежал на чужую землю, а сим повеле, кто zde живет... платити дань“. Чтение С. В. Юшкова приводит и к другому затруднению: „сим“ оказываются в одно и то же время и беглыми и теми, кто никуда не бежал, а сидел „сде“». ⁵⁹ К замечаниям Б. Д. Грекова добавим несколько своих соображений. Как явствует из интересующего нас текста, противительный союз «а» безусловно подчеркивает противопоставление смердов, сбежавших в чужие края («кто сбежал на чуюю землю»), тем смердам, которые остались дома («кто сде живеть»). Кроме того, указательное местоимение «сим», следующее после союза «а», относится по законам языка того времени к ближайшему в тексте лицу или предмету. В данном случае этим лицом является «кто сде живеть». Достаточно выразительны также речения «чюжа земля» и «сде», разграничиваемые летописцем. Если принять точку зрения С. В. Юшкова, доказывающего, что беглые смерды находились в пределах Новгородской области, ⁶⁰ то это разграничение окажется нелепым, да и само наречие «сде» (здесь) потеряет всякий смысл, ибо, говоря «кто сде живеть», летописатель подразумевает, конечно, Новгородскую землю, отличая ее от «чужих земель», т. е. соседних государственных территорий.

Итак, рассказ новгородского летописца о фискальных мерах Михаила Черниговского мы понимаем следующим образом: князь освободил от уплаты дани сроком на пять лет бежавших за пределы Новгородской земли смердов, если они вернутся на старое местожителство; смерды же, которые не покинули своих сел, обязывались платить дань, «како оставили переднии князи».

Князь Михаил занялся смердами не потому, что они принимали участие в новгородских волнениях 1227—1229 г.: у нас нет никаких фактов, свидетельствующих о том, что смерды вместе с остальными новгородцами были охвачены «мятежом». Меры, принятые князем, должны были способствовать восстановлению государственного хозяйства, подорванного, помимо всего прочего, и побегам смердов, даннические платежи которых являлись важной доходной статьей Новгорода. ⁶¹ Под смердами скрывалась зависящая от новгородской общины группа сельского населения. Поэтому смерды находились в сфере постоянного внимания со стороны государственной власти.

Характеризуя волнения в Новгороде 1227—1229 гг., необходимо отметить, что они дают пример сложного переплетения бы-

⁵⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 220.

⁶⁰ Юшков С. В. 1) Феодальные отношения..., с. 49; 2) Очерки..., с. 103.—С. И. Чернов полагал, что смерды бежали с государственных земель на частные.—См.: Чернов С. И. О смердах па Руси XI—XIII вв.—В кн.: Академия наук СССР академику И. Я. Марру. М.; Л., 1935, с. 771.

⁶¹ См.: Фроянов И. Я. Смерды в Киевской Руси.—Вестн. ЛГУ, 1966, № 2, с. 69—71.

товых потрясений, идеологической и социально-политической борьбы. В них нет классовых антагонизмов.⁶² Перед нами столкновение различных групп и фракций свободного населения (городского и сельского), а не феодалов и феодально-зависимых. В лучшем случае мы можем рассуждать о предпосылках или предклассовой борьбе в событиях 1227—1229 гг.

С повгородскими волнениями 1227—1229 гг. тесно связаны происшествия 1230 г. В городе тогда пуще прежнего свирепствовал голод: «Изби мраз на Въздвижение чьстнаго хреста обилье по волости нашеи, и оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а в дворех по пол-30, а пшенице по 40 гривен, а пшена по 50, а овсе по 13 гривен. И разидеся град нашъ и волость наша, и полни быша чюжии гради и страны братье нашеи и сестр, а останък почаша мерети».⁶³ Мор был жестокий. В «скуделницу», устроенную по распоряжению архиепископа Спиридона, свезли 3030 трупов. Новгородцы, как и следовало ожидать, виновниками бедствия сочли своих правителей. Сперва они убили Семена Борисовича — приятеля посадника Внезда Водовика. Дом и села, принадлежавшие Семену, подверглись разграблению. Затем новгородцы стали грабить двор и села самого посадника Водовика, а также «брата его Михаля, и Даньслава, и Борисов тысячьскаго, и Творимириць, иных много дворов».⁶⁴ Эти акции горожан означали падение власти посадника и тысяцкого, т. е. снятие с должностей, которые занимали Внезд Водовик и Борис Негочевич. Поэтому Внезд и Борис бежали в Чернигов. Новгородцы избрали посадником Степана Твердиславича, а тысяцким — Микиту Петриловича. При этом «добыток Сменов и Водовиков по стом розделиша».⁶⁵ Последняя деталь очень существенна. Во-первых, она указывает на то, что движение против посадника и тысяцкого носило организованный характер. Во-вторых, в ней заключено свидетельство об участии в низвержении Водовика и Бориса волостного, сельского люда, входившего в состав новгородских сотен.⁶⁶ Раздел имущества Водовика по сотням соответствовал архаическим порядкам. Известно, что в древних обществах во время гибели урожая и голода правителей если не убивали, то изгоняли, а их имущество грабили.⁶⁷ Новгородцы, грабившие дворы и села посадника Водовика и тысяцкого Бориса, опирались на старые традиции. Они действовали, руководствуясь собственными побуждениями, а не в силу интриг бояр, рвущихся к власти, как пытается это представить Н. Л. Под-

⁶² Ср.: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. . . , с. 254—255; *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 137; *Подвигина Н. Л.* Очерки. . . , с. 146.

⁶³ ИПЛ, с. 69, 277.

⁶⁴ Там же, с. 70, 277.

⁶⁵ Там же, с. 70, 278.

⁶⁶ Эти сотни покрывали не только городские, но и сельские районы Новгородской республики. — См.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории, с. 206—207.

⁶⁷ См.: *Фрэзер Д.* Золотая ветвь, с. 103.

вигина. Она пишет: «И на этот раз народный гнев обрушился на бояр, стоявших у власти, а не на всех феодалов. Этому способствовала деятельность лидера оппозиционной боярской группировки, умного и энергичного политического деятеля Степана Твердиславича. Направляя действия восставшего народа против посадника Водовика, эта группировка преследовала совершенно иные цели, чем „простая чадь“. Если доведенные до отчаяния городские и сельские слезы стремились добиться улучшения своего положения, то Степан Твердиславич и его сторонники вновь воспользовались недовольством народных масс для того, чтобы захватить власть в свои руки, отобрав ее у боярской группировки Водовика».⁶⁸ Нет ничего неожиданного в том, что карающая длать народа ударила по боярам правящим, а не по всем «феодалам», ибо рядовые новгородцы и знатные пока не составляли вполне оформившихся классов, противостоявших друг другу. Незавершенность процесса классовобразования в Новгороде, как, впрочем, и во всей Руси,⁶⁹ препятствовала резкому разграничению интересов социальной верхушки и низов, следовательно, и распаденно их на замкнутые социальные категории. Именно поэтому народные массы Новгорода не могли противопоставлять себя боярству в целом. То же надо сказать и о боярстве, которое было разобщенным на враждебные партии, страдавшие от изнурительной взаимной борьбы. «Разобщенность боярства, непрекращавшаяся борьба боярских группировок, — по справедливому мнению В. Л. Янина, — замедляла не только процесс консолидации самого боярства, но и процесс консолидации противостоящих ему классовых сил».⁷⁰ Консолидированным боярство стало не ранее XV в.⁷¹ В начале же XII в. оно являлось образовавшимся, внутренне неустойчивым и дробным. В этих условиях выступления народных масс могли быть обращены только против отдельной группы бояр, но никак не против всего боярства. Голод 1230 г. предопределил направление удара, обрушив народный гнев на бояр-правителей. И тут энергия и ум Степана Твердиславича, о которых восторженно отзывается Н. Л. Подвигина, вряд ли сыграли какую-нибудь роль. Языческие идеи, овладевшие массами под воздействием голода, — та сила, которая смела одних правителей и призвала к власти других. Степана Твердиславича и его приверженцев вынесло па гребне волны народного возмущения, которое не надо было направлять, поскольку оно в момент своего зарождения имело уже определенную направленность. Помимо посадника и тысяцкого, был смещен и князь. Таким образом, новгородцы заменили всех высших правителей, кроме архиепископа

⁶⁸ Подвигина Н. Л. 1) Классовая борьба в Новгороде..., с. 61—62; 2) Очерки..., с. 147.

⁶⁹ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории.

⁷⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 367.

⁷¹ Там же, с. 257—258, 272, 324, 327, 339, 340—341.

Спиридона. Эта замена, как и предшествующая, находит объяснение в языческих воззрениях народа, видящего причину посетивших его бедствий в плохих правителях, навлекающих на людей несчастья, вместо того чтобы оберегать общину от них.

Разумеется, мы далеки от мысли, что Степан Твердиславич со своими сторонниками плелся, если позволено так выразиться, в обозе движения масс 1230 г. Грызня новгородских бояр, соперничавших из-за власти, сулящей престиж и богатства, не умолкала на всем протяжении древнерусской истории. И на сей раз они затеяли свару. Еще до народного «мятежа», окончившегося столь неутешительно для Виезда Водовика и Бориса Негочевича, завязалась боярская драка. Степан Твердиславич и Иванко Тимошнич «распрелись» с Водовиком, «паробки» которого поколотили Иванко. Тогда Степан «заутра створи веце на посадника на Ярославли дворе, и поиде на двор его, и розграбиша и. Посадник же опять възъвари город весь, и Смен Борисовиць на Иванка и на Якима Влунковица и на Прокшию Лашинева; поидоша с вече и много дворов разграбиша, а Волоса Блуткиница на вече убиша; рече посадник: „ты еси мой двор хотел зажечи“; а Прокшин двор зажгоша; а Яким бежа к Ярославу, а инии схоропишася; по и тех, уротивше, пустиша; а Иванка после имъш, уби Водовик, възвъргошь в Волхово».⁷² Перед нами банальная боярская потасовка, в которую, судя по всему, были втянуты рядовые повгородцы.

Итак, не отрицая политической активности новгородских бояр в событиях 1230 г., мы тем не менее не придаем этой активности решающего значения в смене посадника, тысяцкого и князя. Массы новгородцев, горожан и сельчан, — вот кто являлся наиболее мощным рычагом политического переворота 1230 г. Боярская же возня была своего рода обертоном, придающим специфичный тембр народным выступлениям. Здесь, как и ранее, наблюдаем сплетение бытовых потрясений с политической борьбой. О классовой борьбе и в данном случае говорить нельзя, поскольку в столкновение пришли не антагонистические классы феодального общества, а группы свободных повгородцев, смешанных по социальному составу, в которых отделить знатных людей от простых довольно трудно. Вот почему мы не можем согласиться с мыслью В. Л. Янина, что в 1230 г., как и в 1229 г., «боярская борьба совмещается с классовой борьбой народных масс».⁷³

Социальная сущность движения 1230 г. проецируется в конечных его результатах и целях, которые преследовали охваченные волнениями массы новгородцев. Нам говорят, что отчаявшиеся городские и сельские низы добивались улучшения своего положения.⁷⁴ Формула верная, но слишком универсальная, поскольку применима ко всем народным восстаниям: всегда и везде подни-

⁷² НПЛ, с. 69, 276.

⁷³ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 138.

⁷⁴ Подвигина И. Л. 1) Классовая борьба в Новгороде..., с. 62; 2) Очерки..., с. 147.

мающийся на борьбу народ желал улучшить свое положение. Задача историка заключается в том, чтобы наполнить конкретным содержанием данную формулу. Как уже отмечалось, новгородцы, измученные голодом, пытались пересилить беду с помощью языческого в своей основе средства — смены правителей. Борьба демократической части свободного населения за смену одних властителей другими не может быть отнесена к разряду классово-борьбы. Это борьба социально-политическая, в которой столкнулись различные группировки свободных людей Новгородской земли. Лишение власти неугодных правителей есть главный результат движения 1230 г. Ему сопутствовали акции, свидетельствующие о важном достижении рядовых новгородцев. Речь идет о так называемых «грабежах» имущества знати, вызвавшей неудовольствие народа. Начались «грабежи» еще в памятные дни изгнания архиепископа Арсения. Их жертвой стали «дворы» тысяцкого Вячеслава и его брата Богуслава, владычного стольника Андрея, Давыдка «Софийского», лишенского старосты Душильца.⁷⁵ В 1230 г. новгородцы, подстрекаемые Степаном Твердиславичем, пошли с веча «грабить» двор посадника Водовика. Тогда он «опять възвари город вѣсь... и поидоша с веча и много дворов розграбиша».⁷⁶ Вскоре «грабежи» приобрели еще больший размах. Были разграблены дворы и села посадника, тысяцкого и других высокопоставленных «мужей». Рассказав об этом, а также о смене посадника и тысяцкого, летописец сообщает, что новгородцы «добытък Сменов и Водовиков по стом розделиша. Они трудисяся, събирающе, а си в труд их видоша».⁷⁷ Это сообщение представляет весьма значительную ценность. Оно предостерегает нас от упрощенного толкования грабежей, упоминаемых летописью. Раздел награбленного имущества по сотням свидетельствует о том, что мы имеем дело с необычными грабежами, которые нельзя понимать в буквальном смысле слова. Здесь мы наблюдаем явление, типичное для переходных обществ: борьбу старой коллективной собственности с развивающейся новой частной собственностью. Грабежи, о которых говорит летописец, есть своеобразное перераспределение богатств по принципу коллективизма, противодействие общины личному обогащению. Подобной практике во многом способствовало то обстоятельство, что богатства древнерусской знати, в том числе и новгородской, создавались преимущественно за счет публичных поступлений — всевозможных платежей за отправление общественно полезных функций.⁷⁸ Поэтому неудивительно, что люди Древней Руси смотрели на собственность князей и бояр как на отчасти преобразованную или временно оккупированную общинную собственность, подлежащую возврату в лоно общины. Отсюда устранение от власти того или

⁷⁵ НПЛ, с. 67, 273.

⁷⁶ Там же, с. 70, 277—278.

⁷⁷ Там же, с. 70, 278.

⁷⁸ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-эпопомической истории, с. 62—65.

инного правителя сопровождалось отнятием у него богатств, добытых посредством этой власти. Инструментом такой «экспроприаций» как раз и являлись «грабежи», описанные новгородским книжником. Нередко они возникали стихийно, а порой — в организованном порядке, когда награбленное делили внутри общины поровну, как это случилось с имуществом Водовика и Семена. Но их суть оставалась неизменной: она состояла в перераспределении богатства на коллективных пачалах.

Было бы совершенно недопустимой модернизацией выдавать «грабежи» новгородцев за акты классовой борьбы. Перед нами внутриобщинная борьба между элитой и массой свободных общинников, стимулом которой являлось столкновение привычной, освященной веками общинной собственности с утверждающейся частной собственностью.

Мы рассмотрели события 1227—1230 гг. в Новгороде, связанные с народными волнениями. Эти волнения имели место в обстановке голода, вызванного неурожаем, которые оживили в массе новгородцев языческие представления, возлагающие вину за такого рода беды на правителей. Активную роль в пробуждении древних верований в сознании народа сыграли волхвы — последние могикане уходящего в прошлое язычества. Чтобы вернуть благополучие общины, новгородцы воспользовались старым средством — сменой правителей. На поверхности народного движения развернулась борьба боярских партий, рвущихся к власти, сулящей престиж в обществе и материальные выгоды.

Таким образом, мы имеем здесь сложное сплетение бытовых, социальных, идеологических и политических коллизий, которые сводить к классовой борьбе нет оснований. Это скорее борьба предклассовая, происходящая среди различных групп свободного населения.